

KUZIVANOVA Olga Yurievna, Dr.Sci.(Hist.), Associate Professor, Director of the Center «Nasledie» named after Pitirim Sorokin (30, Sovetskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167000; kuzivanova@krags.ru)

THE PROBLEM OF CONCEPTUAL FUNDAMENTALS OF MODERN NATIONAL POLICY OF RUSSIA (the historical background)

Abstract. The first legal and conceptual documents of post-Soviet Russia in the sphere of ethno-national policy bore the stamp of eclecticism. The liberal understanding of the civil nation and the ethno-cultural interpretation of the nation were used simultaneously. Such terminological mixture took place owing to historical features of formation of the USSR as a multinational state. During the post-Soviet period for the purpose of development of the new ethno-national policy it was required to clear up some basic positions, such as the concept of Russian nation, the place and role of the Russian people in the concept of national policy, and the new basic model of national policy. An urgent need for the formation of the single nation within the framework of the Russian state was at the heart of the process of ideological and conceptual construction.

Since 1990s the understanding of the Russian nation as supra-ethnic community has begun to be formed. However ethno-regional elites continued to keep ethnic understanding of the nation instead of the concept of the civil nation. Besides, so called Russian question in search of positive identity of the Russian people was also closely connected with understanding of Russian nation.

As a result of discussions and also as a synthesis of practice of the ethno-national policy of Russia in the 2000s, the government has found a kind of consensus on the matter. It was expressed in eclectic coexistence of understanding of the civil nation, ethno-national terminology, and also in inclusion of the ethnic question into the context of the Eurasian concept with a key role of Russian culture and Eurasian values.

Keywords: ethno-national policy of Russia, Concept of the State National Policy of the Russian Federation, 1996, Strategy of the State National Policy, 2012, formation of Russian nation, Russian question

---

УДК 94(517)

БАЗАРОВ Виктор Борисович, к.и.н., старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazarov_science@mail.ru)

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.: МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Аннотация. Статья посвящена российско-китайским отношениям в первой четверти XX в., касающимся монгольского вопроса. Этот период характеризовался серьезными изменениями в геополитической обстановке в Восточной Азии. Синьхайская революция ознаменовала конец Цинской империи. Независимость Монголии стала актуальной и возможной в силу происшедших изменений в Китае. Россия поддержала сепаратистские настроения Внешней Монголии. В статье показана динамика событий, происшедших после вооруженного взятия Урги, которое фактически спровоцировало взрыв антикитайских настроений, способствовало изгнанию китайских войск с территории Внешней Монголии с помощью идеологических противников – «красных монголов» и следовиков барона Унгерна, в результате чего возвращение Внешней Монголии в лоно Китая в первой четверти XX в. стало фактически невозможным.

Ключевые слова: Монголия, Китай, Россия, независимость Монголии, Восточная Азия

После Синьхайской революции возник вопрос о независимости Монголии. Царская Россия вела осторожную политику в Восточной Азии из-за поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Но при этом Россия не могла отказаться от имперских настроений, которые подталкивали российскую сторону к конкретным шагам в борьбе за узловые территории, в данном случае – за территорию Монголии.

В декабре 1911 г. русский посол в Пекине внес предложение правительству Китая о заключении формального договора с Внешней Монголией. Царское правительство хотело, чтобы китайская сторона официально признала особые права России на монгольской территории и отказалась от проведения любых мероприятий в этой стране без согласования с правительством России. При этом царская администрация не могла рассчитывать на одобрение таких намерений со стороны Китая. И все же российская сторона решилась на самостоятельный шаг, подписав 3 ноября 1912 г. Ургинское соглашение с Монголией [Батунаев 2015: 79]. Соглашение было составлено таким образом, что в нем с дипломатической точки зрения амбициозные планы России проходили «по лезвию бритвы», не пересекая опасного рубежа. В отношении Внешней Монголии в документе было введено понятие «автономия», позволявшее ей иметь свои войска и не допускать войска Китая на территорию Внешней Монголии.

Монгольская сторона была разочарована таким решением, хотя название «Внешняя Монголия» свидетельствовало о том, что территория Внутренней Монголии не входит в состав автономии. Но сам факт заключения подобного рода договора имел важное политическое значение для Монголии. Он означал, что правительство богдо-гэгэна вступило в договорные отношения с Россией, что позволило Монголии заявить о себе на международной арене в качестве самостоятельной силы.

23 октября 1913 г. была подписана русско-китайская Декларация о признании автономии Внешней Монголии. В русском тексте документа Монголия не признавалась независимым государством. Настроения же в правящих кругах Внешней Монголии были бескомпромиссные, атмосфера пьянящей свободы подталкивала к конкретизации статуса Монголии. 2 декабря 1913 г. дипломатическому представителю России в Урге была вручена нота монгольского правительства о том, что оно категорически отказывается признать русско-китайскую Декларацию.

25 мая 1915 г. в Кяхте было заключено трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии [Батунаев 2015: 89]. Это соглашение было результатом длительной подготовительной работы, т.к. требования сторон не совпадали: Монголия требовала статуса независимого государства; Китай видел Монголию своей провинцией; позиция России – автономия Внешней Монголии.

По сути, данный международно-правовой акт не носил революционный характер, ибо Монголия не получала независимость. Но зато он обозначил роль России как арбитра во взаимоотношениях Монгольской автономии и Китая. Не следует забывать, что Внешняя Монголия была интегрирована в хозяйственные связи с Китаем больше, чем с Россией. Доминирующее присутствие китайского капитала было серьезным основанием для Китая бороться с автономией Монголии.

Летом 1919 г. силами китайских революционеров был создан документ «64 пункта об улучшении будущего положения Монголии», который был представлен на рассмотрение правительству богдо-гэгэна. Под «улучшением» подразумевалось упразднение автономии Монголии, назначение должности китайского наместника в качестве соправителя с богдо-гэгэном. Проект был отвергнут монгольской стороной. Китайское правительство попыталось решить вопрос вооруженным путем. 22 ноября 1919 г. президент Китая издал декрет о ликвидации автономии Внешней Монголии. Такое грубое нарушение статей Кяхтинского соглашения 1915 г., на наш взгляд, было во многом связано с Октябрьской революцией и Гражданской войной в России, которые сковали действия нашего государства во внешней политике.

Ликвидация автономии спровоцировала всплеск национально-освободительных настроений в Монголии, а усиливающиеся антикитайские настроения в Монголии в начале 1920-х гг. приобрели характер открытой борьбы и военных столкновений.

Под лозунгом национально-освободительного движения, направленного против китайского господства, барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг, начальник конной Азиатской дивизии, сподвижник атамана Семенова, выдвинулся на Ургу. Унгерн

был одержим идеями монархизма, а также превосходства восточной культуры, буддизма и их спасительной миссии по отношению к западной цивилизации.

Теснимая наступавшей Красной армией Азиатская дивизия пересекла монгольскую границу в начале октября 1920 г. Унгерн неустанно пропагандировал свои идеи: выбить китайские республиканские войска из Монголии, восстановить автономию, возродить монархию богдо-гэгэна. Используя антикитайские настроения, барон Унгерн набирал силы и популярность среди местного населения, в результате чего он накопил достаточные силы для взятия Урги: в январе 1921 г. у него было около 3 тыс. бойцов. 3 февраля после ожесточенных боев город перешел в руки объединенных сил Унгерна и монголов. Победенные китайские войска во главе с наместником Чэн И бежали на север, в кяхтинский Маймачен, под крышу местного китайского гарнизона.

Унгерн, его ближайшее окружение, офицеры были щедро награждены богдо-гэгэном. Сам богдо-гэгэн вновь получил ханский трон; 26 февраля 1921 г. состоялась торжественная коронация и образовано правительство во главе с одним из высших церковных иерархов – Д. Жалханз-хутухтой. Советскому правительству была выслана нота с предложением о восстановлении дипломатических отношений: «Монгольское правительство с радостью извещает Правительство Великой России, что его святейшество Богдо-Джебзун-Дамба-Хутухта Хан Монголии вступил в свои законные права. Монгольское правительство позволяет напомнить себе Правительству Великой России, что Россия всегда покровительствовала монгольскому народу и помогала ему добиваться автономии Монгольского государства... Монгольское правительство будет счастливо, если представители Правительства Великой России придут в Ургу для переговоров и заключения договоров...»¹ Однако ответ НКВД РСФСР на эту ноту, отправленный 29 марта 1921 г., был жестким и конкретным: «...мы не считаем возможным вступать в какие-то ни было сношения с монгольскими организациями в Урге до тех пор, пока в этих организациях будут присутствовать белогвардейцы <...> слагаем с себя ответственность, если вместе с белым грабителями от действий наших войск пострадают и монголы, которые находились в сношениях с русскими контрреволюционерами»². Такого рода ответ на предложение восстановления дружественных отношений делал Унгерна фактически единственным союзником хана. Поэтому верховным правителем, диктатором Монголии в течение четырех месяцев был «бог войны», «борец за веру», «великий батор», «хан» Унгерн. Его влияние на Монголию в те месяцы было определяющим, и ни одно серьезное решение не принималось без его согласия. Монголам импонировали идеи Унгерна об объединении монгольских племен, образовании федерации кочевых народов Центральной Азии, воссоздании державы Чингисхана. Однако зверства и беспорядки, которые чинили подчиненные барона, настроили местное население против него [История Монголии... 2007: 59].

В это же время на севере страны происходили не менее важные события. Монгольская народная партия возглавила нараставшее революционное движение за освобождение Монголии от иноземцев, за приход к власти новых общественных сил. Она активно использовала идеологическую, организационную, военную поддержку со стороны Советской России и Коминтерна. 10 ноября 1920 г. в Иркутске вышел первый номер газеты МНП «Монголын унэн» на монгольском языке с эпиграфом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На границе с Монголией расширялась сеть официальных и нелегальных представителей Коминтерна, РСФСР, ДВР. В резиденции представителя НКВД О.И. Макстенека в Троицкосавске 1–3 марта 1921 г. состоялось партийное совещание, которое позже, в 1924 г., было объявлено первым Учредительным съездом МНП. Он был немногочисленным: 26 участников на заключительном заседании. Всего партийцев тогда насчитывалось около 150 чел. [История Монголии... 2007: 61]. Съезд

¹ *Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)*: сб. документов. Ч. 1. 2008. М.-Улан-Удэ. С. 135.

² Там же. С. 140.

избрал Центральный комитет в составе С. Данзана, Ц. Дамбадоржа, Д. Лосола (первым председателем ЦК стал С. Данзан) и утвердил партийную платформу (программу) «10 принципов» [История Монголии... 2007: 61]. В платформе четко прослеживается сильное влияние идей и практики Коминтерна (власть народа, интернационализм, нетерпимость к другим течениям, политическая жесткость и др.). Вместе с тем на съезде проявились и иные настроения участников съезда, в частности по отношению к вопросу об объединении всех монгольских племен в одно государство.

Для укрепления сотрудничества с Советской Россией съезд постановил просить Дальневосточный секретариат ИККИ назначить своего постоянного представителя при ЦК МНП. И вскоре состоялся обмен представителями: С.С. Борисов при ЦК МНП и С. Буяннэмэх при ДВСК. МНП вступила в Коминтерн в качестве сочувствующей организации, в июле 1921 г. ее делегаты уже участвовали в работе конгресса III Коминтерна.

И на съезде, и после него на передний план выдвинулись, естественно, военные вопросы – борьба с китайскими милитаристами и бароном Унгерном. Был образован штаб партизанских отрядов – Народной армии, руководимый главкомом Д. Сухэ-Батором. 13 марта было сформировано Временное народное правительство во главе с Д. Чагдаржавом, которого вскоре заменил Д. Бодо.

В марте 1921 г. в Монголии возникло двоевластие: народное правительство на севере, пользовавшееся советской поддержкой, и правительство богдо-хана в Урге, оккупированной белогвардейцами. На первых порах у них оказался один и тот же противник – китайские войска. В кяхтинском Маймачене, т.е. в сфере действий отрядов Д. Сухэ-Батора, скопились китайские солдаты из местного гарнизона и те, кто бежал из Урги, ополченцы, беженцы – всего свыше 10 тыс. чел. Молодая Народная армия 18 марта одержала первую крупную победу, и г. Маймачен был освобожден. Китайцы устремились на юг в надежде выбить Унгерна из Урги. Произошли два крупных сражения между объединенными силами Унгерна и присоединившимися к нему монголами, с одной стороны, и китайскими войсками – с другой. В обоих сражениях победу одержал барон Унгерн.

15-тысячная китайская армия, которая еще недавно наводила страх на всю Монголию, к началу апреля перестала существовать. Отряды Сухэ-Батора также внесли свой вклад в победу. По мнению исследователя С.К. Рощина, барон Унгерн, преследуя собственные цели, сыграл весьма важную роль в очищении Монголии от китайских войск и тем самым невольной, сам того не желая, облегчил выполнение задач Народной армии [История Монголии... 2007: 61]. Впоследствии Унгерн был разбит, и в июле 1921 г. в Монголии произошла революционная смена власти, к руководству государством пришли новые общественные силы – сторонники МНП.

Таким образом, российско-китайские отношения в первой четверти XX в., касающиеся Монголии, были напряженными. Синьхайская революция 1911 г. способствовала началу борьбы за независимость Монгольского государства, которую поддержала сначала царская, а затем советская Россия.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.». Проект № 15-21-03006.

Список литературы.

Батунаев Э.В. 2015. *Борьба за независимость Монгольского государства*. Улан-Удэ.: Изд-во БНЦ СО РАН. 160 с.
История Монголии. XX век. 2007. М.: Институт востоковедения РАН. 448 с.

BAZAROV Victor Borisovich, Cand. Sci.(Hist.), Senior Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6, Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; bazarov_science@mail.ru)

THE RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY: MONGOLIAN QUESTION

Abstract. *The article is devoted to the Russian-Chinese relations in the first quarter of the 20th century concerning the Mongolian question. The period was characterized by serious changes in the geopolitical situation in East Asia. Xinhai revolution had marked the end of the Qing Empire. Independence of Mongolia became actual and possible due to the changes in China. Russia supported separatist sentiments of External Mongolia. The author shows dynamics of the events which occurred after the capture of Urga. It actually provoked the explosion of the anti-Chinese moods which pushed to exile of the Chinese troops from the territory of External Mongolia with the help of such ideological opponents as the red Mongols and the troops of baron Ungern. Returning of External Mongolia to the bosom of China in the first quarter of the 20th century became problematic, and even impossible.*

Keywords: *Mongolia, China, Russia, independence of Mongolia, East Asia*

ДАРЧИЕВА Светлана Валерьевна – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия – Алания (362035, Россия, Республика Северная Осетия, г. Владикавказ, ул. Галковского, 200; svetik-dar70@mail.ru)

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. *Статья посвящена реформе политической системы России в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. как началу трансформации самодержавия в конституционную монархию. Особое внимание уделяется спорам в научной литературе об определении формы правления и природы политического режима России в период конституционных реформ. Автор считает, что основные законы 1906 г. свидетельствуют о возникновении в России октроированного конституционализма с дуалистической монархией, в которой законодательная власть принадлежала императору и парламенту, исполнительная – императору и министрам, судебная – Правительствующему сенату.*

Ключевые слова: *конституционализм, политические институты, реформа, Государственная дума, Совет министров, Государственный совет*

Революция 1905–1907 гг. в России резко обострила проблему реформирования политической и правовой системы, поставила самодержавие перед необходимостью собственной трансформации в конституционную монархию. Преобразование государственного строя на конституционных началах протекало в сложных условиях. Система монархического конституционализма в России получила легальное оформление в октроированных правовых актах, важнейшими из которых были Основные законы 1906 г. – первая русская конституция (хотя акт с таким названием и не был издан). Основные законы предусматривали введение смешанной формы правления и исходили из дуализма исполнительной и законодательной власти.

Главным предметом споров в научной литературе остается определение формы правления и природы политического режима России в период конституционных реформ. В историко-правовой литературе продолжается дискуссия о том, перешла